

The background of the cover is a dramatic painting of a stormy sea. The water is dark and turbulent, with white foam from the waves. In the foreground, a small, crowded boat is being tossed by the waves. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and whites, creating a sense of danger and isolation.

Ирина Н.Левина

# Остров "Иллюзия"

16+

Ирина Н.Левина  
**Остров «Иллюзия»**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Н.Левина И.**

Остров «Иллюзия» / И. Н.Левина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

После кораблекрушения на необитаемом острове оказываются двое: популярный актер сериалов и его фанатка. Два совершенно разных человека учатся общаться, преодолевая языковой и социальный барьеры, ищя любовь, пытаясь сохранить самих себя. Они вспоминают свою жизнь и пытаются понять, для чего им дан этот шанс - остаться в живых. Ещё один герой истории - остров, который своими мистическими силами помогает персонажам книги, вспомнить, найти самих себя.

# Содержание

ОСТРОВ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Ирина Н.Левина

## Остров "Иллюзия"

Посвящаю маме, Ашишу, Люсе, Нине и Тане Пичкаръ

### Введение

Почему взяла такой тривиальный сюжет – «двое на необитаемом острове» – и наполнила его всеми возможными литературными штампами? Поверьте, по-другому у моих героев не получалось общаться ни со мной, ни друг с другом. У одного – в силу его профессиональной деятельности (он актёр, герой сериалов), у другой – по причине её эстетических пристрастий (она любительница тех самых сериалов). Заинтриговала?

У меня большая просьба к вам, кто будет читать эту повесть: не заглядывайте сразу в конец. Иначе все мои труды пропадут даром. А я старалась. И еще... Если вдруг вам покажется, что вы не понимаете моих героев, или их поступки покажутся вам нелогичными... да я сама с ними замучилась! Примите их такими, какие они есть.

## ОСТРОВ

Странная сказка

*О, Господь,*

*веди меня от Неистинного (иллюзии) к Истине (реальности),*

*Веди меня от Тьмы к Свету,*

*Веди меня от Смерти к Бессмертию.*

*Ом, да будет Мир, Мир, Мир. (Осато Ма мантра)*

### ЧАСТЬ 1

### БОЙСЯ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

#### ГЛАВА 1

#### ПОД МУЗЫКУ НЕ ВИВАЛЬДИ

На берегу океана на мокром песке сидит женщина в оранжевом спасательном жилете. Дрожащими в ознобе руками она рвет целлофановую оболочку с газеты, вынимает газету, разворачивает и начинает на ней писать: «Какая же я дура, что ввязалась в эту авантюру. У меня нет ни ума, ни характера. Почему я не смогла сказать ей «нет»? А она ведь, как пиявка, как пиявка, вцепилась: «Поехали в Индию! Поехали в Индию!» Вот! Приехали!.. ... Я не помню, как на мне оказался этот жилет, как я очутилась здесь и вообще ГДЕ Я! А что я помню?.. Кто я? Виноградова Александра, Россия, Зареченск, дом, дочь, мать. Помню. Помню, как с этой пиявкой Настей долетели до Индонезии на самолете, а потом поплыли на корабле. В Индию. Помню океан, стою на палубе, солнце садится под музыку «тагр-дам, тагр-дам, тара-кити-дам». Наушники в ушах, кроме музыки ничего не слышу. Помню, закрыла глаза. Ничего не вижу. Только музыка. Эта музыка меня с ума и свела! Мне кажется, что я даже заснула под этот аккомпанемент... Помню, закружилась отчего-то голова, земля уходит из-под ног. Потом я упала на палубу и покатилась, как с горки. И на меня что-то катилось черное и ударило больно в висок. Всё, больше ничего не помню...»

Она закончила писать, аккуратно сложила газету и положила её в сумочку, привязанную к руке.

Над океаном висели темные, тяжелые тучи, солнца не было видно, и было непонятно, что сейчас: утро, день или вечер. Ветер гнал высокие волны, они с шумом обрушивались на берег, и этот шум был грозен. Мрачности картине добавляли разбросанные по берегу личные вещи, сумки, чемоданы и прочие атрибуты кораблекрушения. То, что произошла катастрофа, и корабль, по-видимому, затонул, Саша себе смогла объяснить. В голове возникали какие-то картины трагедии, но было ли так на самом деле или эти образы были её фантазиями, воображением, она не могла понять.

«Что дальше? Надо куда-то идти, кого-то искать, что-то делать...» Она побрела вдоль берега и вскоре заметила вдалеке фигуру. Человек сидел на коленях и медленно раскачивался из стороны в сторону, вперед и назад. Саша прибавила шаг. Человек повернул голову в Сашин направлении, перестал качаться и крикнул: «Хэлп!» Саша побежала к нему.

На песке на коленях сидел мужчина. Перед ним лежала женщина. Она смотрела в небо красивыми глазами, и из них текли слезы.

– Вы доктор? – спросил мужчина по-английски.

– Нет, я учитель. Чем я могу помочь?

Мужчина снова заговорил по-английски. Он говорил быстро и с акцентом, так что Саша понимала через слово. Она смогла понять, что эта женщина – его жена, у неё болит живот, она не может встать, что она хочет пить, нужен врач... Пока он говорил, с океана налетали

порывы ветра и заглушали едва понятные слова. Саша подумала, что этой красивой молодой женщине ужасно некомфортно в таком состоянии лежать на мокром песке, обдуваемой ветром. На примитивном английском и жестами она предложила перенести её подальше от океана, где не так ветрено. Он её понял и согласился. Саша наклонилась, чтобы помочь, но мужчина начал отмахиваться, затараторил «нэй, нэй, нэй, нэй, наги», сам взял жену на руки и бережно понес.

## **ГЛАВА 2**

### **«Я ТАК ХОЧУ, ЧТОБ ГАЗЕТА НЕ КОНЧАЛАСЬ»**

Индонезийская газета продолжала пополняться новостями. Поверх печатных букв ложились прописные, написанные мягким карандашом. На всякий случай Саша старалась писать помельче, чтобы любимое занятие – ведение дневника – могло продлиться подольше.

«День второй. Опять ветер. Всю ночь мы не спали: сражались с ветром, пытались соорудить какое-нибудь укрытие для раненой женщины. Только все эти ветки и найденные на берегу чемоданы бесконечно падали и разлетались. Я замерзла и очень устала. Хочется пить. А есть почти не хочется. Наверное, стресс так действует. Когда же нас спасут? Мужчина выяснил (никак не спрошу, как их зовут), что мы на острове. Наши смартфоны безжизненны и бессмысленны. Из них течет вода.

Пишу, а у самой глаза закрываются. Сейчас упаду и засну. Но не писать я не могу. Только бы газета подольше не заканчивалась. Всё, засыпаю...»

«Тот же день. Кого-то мне этот мужичок напоминает... ? А напоминает он мне моего кумира, моего Бога, моего индийского гипнотизёра, моего любимого артиста Ашу, из-за которого моя крыша в сторону Индии и съехала. Которого я искала по всем соцсетям, и который не ответил ни на один мой пост. Но этот мужичок будет помельче и попроще. И поволосатее (хи-хи). Надо будет спросить, как их зовут».

«Я устроила себе гнездо из трех чемоданов. Получилось уютно. Буду сегодня здесь спать. Пара расположилась недалеко от меня. Я их вижу. Женщина так и не встаёт».

«Так... Он принес ей бананов и воды. Мне никто воды не предложил. У меня на ужин сухие печенья из красного чемодана. Хороший, надо сказать, чемодан, полезный, удачно я его нашла. Им не дам. Ничего, я запомнила, куда он бутылку поставил. Я до неё доберусь. Он сейчас куда-нибудь уйдет – я пару глоточков сделаю. Когда нас спасут, выпью залпом полутора литровую бутылку минералки, с газом!»

«День третий. Ненавижу, ненавижу... я всё здесь ненавижу: это небо, этот ветер, эти волны и этих «молодоженов». Весь вечер сидел ей руки целовал и никуда не ушел, подлец! Я не смогла воды попить! До меня никому нет дела! Гады иностранные! Они думают, я у них буду просить?! Фигу вам с маслом!!!»

«Тот же день. Кто ищет, тот всегда найдет! Да здравствуют черные дорожные сумки! А в них... бутылочка ВОДЫ! Пусть начатая, но жажду я утолила. Надо было сразу идти и самой искать, а не надеяться не известно на кого. А завтра... будет завтра. Может, завтра нас спасут».

«Вечер. Он предложил мне бутылку воды, два банана и попросил помочь построить навес для его жены. Я помогу!»

P.S. Мы начинаем общаться?

## **ГЛАВА 3**

### **УТРО НОВОГО ДНЯ**

Ночью ветер стих, и утро нового дня озарилось розовыми лучами восходящего солнца. Саша проснулась в своем гнезде и пошла к океану проверить, не идет ли спасательный корабль. Она умылась, посмотрела на восход. «Красотища! Увидеть бы дельфинов». Послышался плеск воды. «Неужели они?» Саша стала вглядываться в океан. В надежде увидеть грациозных живот-

ных, она прошла по берегу, взглядываясь и вслушиваясь. Определенно кто-то плескался. Она зашла по колено в воду, чтобы обойти небольшой скалистый пригорок.

– Святые Спасатели Малибу! – вырвалось у неё. В лучах восходящего солнца из воды выходил Бог. Сашкин Бог. «Он», – поняла она. Солнечные лучи окрашивали его мускулистое тело в розовый цвет. «Купание красного коня. Ни дать, ни взять!» Заметив зрителя, Господь божественно выжал волосы, поиграл мышцами и продолжил великолепный выход на сушу. Саша захохотала и рухнула в воду.

– Над чем Вы так громко смеетесь? – услышала она.

«Мама дорогая, я сейчас сойду с ума. Я сойду с ума. Этого просто не может быть». Она открыла рот, но поняла, что онемела. «Ну проблем хоть что-нибудь», – приказала она себе.

– Да вот, хотела посмотреть на дельфина, а встретила коня.

– Эксбюз ми?

– Нет, ничего.

– У Вас с утра хорошее настроение?

– Да, я представляю, что я в раю.

Следующие два дня существования возле него пролетели, как одно мгновение. Дневник не велся. То ли потому, что была занята строительством навеса, то ли потому, что трудно было передать словами свои переживания. Но если уж стихия успокаивается, то и Сашины чувства и мысли к концу второго дня начали возвращаться в привычное русло. А в индонезийской газете появились последние новости.

«Моросит мелкий, мерзкий дождик... Я ничего не понимаю, что он говорит. Обидно просто до слёз. Общения не получается. Да он и не расположен особенно со мной общаться. Он держит дистанцию. Значит, ещё не пришло время. На душе какое-то недоброе предчувствие. Томление.

Сегодня мы доделали навес и перенесли туда его жену. Они смотрят друг на друга и улыбаются. Поддерживают друг друга. Он уходит, приносит что-нибудь из еды и воду, а я остаюсь с ней. По-английски она говорит с ужасным акцентом, а я – как умею. Мы почти друг друга не понимаем, поэтому улыбка не сходит с наших губ. Сегодня она много спит. Наверное, идет на поправку. А он пошел на море. Обещал ей поймать рыбку».

#### **ГЛАВА 4**

#### **КОГДА ЖЕ ЭТО КОНЧИТСЯ?!**

В этот день его жена умерла. Он долго молча сидел над ней, касался её, смотрел на неё. Саша украдкой заглядывала ему в глаза и очень боялась того, что происходит в его голове. Потом он встал и пошел прочь. Саша вскочила за ним следом. Он побежал. Не понимая, что происходит, чего ей ждать и что делать (бежать за ним или нет) она остановилась и закричала от отчаяния, как смогла: «Я прошу Вас, я умоляю Вас, не оставляйте меня! Я прошу Вас, я умоляю Вас, только не делайте с собой ничего! Как я буду здесь одна!»

Саша села на песок ждать и молиться. Океан гудел, как паровоз. Перед глазами бежали шумели волны. До тошноты это зрелище раздражало. Во рту пересохло. Она вспомнила недавнюю жажду и два глотка воды, которые хотела украсть из их бутылки. Но тогда Аша не ушел и спас и её от воровства, и воду. А сейчас она чувствовала, будто опять хочет что-то украсть, опять выпить из чужой бутылки. И это желание, как те два глотка, овладело ею. «Ну что, Голи ушла, путь свободен? Я сейчас что, радуюсь её смерти?! Так вот кого я люблю по-настоящему – себя! Какой сегодня мерзкий день. Боже мой, как мне стыдно! Господи, Ты знаешь, я её смерти не хотела и не ждала. И если бы она поправилась, я смирилась бы со всем, что бы ты мне ни дал. А сейчас... мне так стыдно!! Я даже самой себе признаться боюсь».

Он возвращался. Тащил за собой ствол сухого дерева и ветки. Когда он стал раскладывать их на берегу, Саша начала догадываться, к чему все это. «Почему так?! Какой сегодня мерзкий день. Когда это уже всё кончится!»

Поздним вечером, когда тяжелый ритуал был закончен, пепел собран в контейнер, а на небе зажглись звезды, он опять куда-то пошел. «Пусть идет, куда хочет. Крикнуть ему, что я буду здесь?.. а куда я денусь... дураку понятно». Саша легла под навесом. Спать хотелось и не могло. Какая-то смесь усталости и перевозбуждения. А ночью из чьей-то звериной груди вылетали душераздирающие звуки. «Когда же это всё кончится. Какой мерзкий день».

## **ГЛАВА 5**

### **ОН. ОНА**

Он надеялся, что всё обойдется...

Всю ночь его Голи плыла перед глазами. Ему хотелось схватить её за руку, удержать. И он даже пару раз попробовал это сделать. Ещё подумал, что если бы у них были дети, то сейчас горя было бы ещё больше. И вдруг захотелось, чтобы дети были, чтобы он мог прижать к себе хотя бы её частичку. Он чувствовал, что она ещё рядом с ним, что пустота ещё не пришла. Они разговаривали друг с другом, он просил у неё прощения, она успокаивала его своими глазами, своей улыбкой. Он чувствовал её прикосновения. Он всё чувствовал той ночью: всю глубину её любви к нему и всю свою теперешнюю неприкаянность.

Утром Саша с карандашом и газетой пошла на берег ждать корабль. Когда она брала в руки карандаш и бумагу, она чувствовала себя увереннее. Слава Богу, между газетными строчками ещё было достаточно места для записей.

Сначала она до рези в глазах вглядывалась вдаль, призывая помощь всеми клетками организма, превращая в надежду каждую точку на горизонте. Грезилось, что помощь должна прийти вот-вот. Но всякий раз это был обман, и всякий раз появлялась новая надежда. И она продолжала смотреть на горизонт.

«Вокруг меня кучевые корабли и пернатые самолеты».

Когда солнце перекаатилось через зенит, голод и жажда перестали мучить, красные лепешки от укусов на ногах перестали зудеть. Мозг включал новую программу существования. Дождь, ветер, волны и облака начинали вводить разум в состояние подобное трансу.

Солнце шло на закат. Дождь усилился, небо ударило в грозовой барабан. Океан гудел свой вечный «Ом», на фоне золотого круга вставала черная буква и двигалась на Сашу.

«Что ты хочешь мне сказать, моя гостья?»

«Я – это ты. Мы обе в пограничном состоянии: я – между тишиной и звуком, ты – между надеждой и отчаянием».

Потом она потеряла счет часам, дням. Времени. Всё в ней замерло, сошлось в один миг: миг ожидания. «Нас спасут, нас спасут», – повторяла она днями и ночами, разглядывая небо и океан, собирая по берегу чужие вещи, горя на солнце, дрожа от ночного холода и страха, обдуваемая ветром.

Было утро, когда она увидела его. Он шел по берегу. Она слышала свое сердце. Сердце застучало везде: в груди, голове, в руках и ногах. «Подойдет сюда или пройдет мимо? Он поху-дел».

Он остановился возле навеса. Оглядел туманным взором это сооружение, посмотрел на Сашу, как будто не понимая, как он здесь оказался. Молчаливая пауза затянулась.

«Черт, как её зовут?»

– Как Вы поживаете?.. здесь.

– Спасибо, всё хорошо. («Как-то поживаю») Вас не было так долго.

– Да... Я был занят. Я пришел сказать... как Вы поживаете.

– Садитесь, у меня есть кое-что вкусное. Я думаю, Вам понравится. («О мой английский, ты ужасен»)

Саша засуетилась, вытащила всё, что осталось из еды, выложила на скатерть-полотенце. Налила воды в пластиковый стаканчик.

– Приятного аппетита.

Гость старался себя сдерживать, но съел всё.

– Очень хорошо. Спасибо.

– Вода кипяченая.

– Это важно.

Разговор не получался, и Саша почувствовала вину.

– Извините, я не говорю по-английски так же свободно, как Вы.

– Нет, нет, Вы хорошо говорите. Я всё понимаю.

«Как общаться? Как сказать то, что хочешь сказать? Как составить о себе правильное представление, и понять его. Он мне интересен. Я вот вижу его потухшие глаза, а ведь в них может быть такой свет! Я ЭТО хочу увидеть».

Гость поднялся.

– Приходите ещё. Не забывайте.

Он кивнул головой и отправился в своё бесцельное путешествие. «Пошел, пошел, мачо-пикчо... Даже не спросил, может, мне помощь какая-нибудь нужна». Саша смотрела вслед уходящей сутулой фигуре в грязной мятой футболке. Вдруг он оглянулся:

– Смерть – старая шутка, правда? Но как звучит!

Только сейчас она вспомнила о его горе. «Какая же я гадина! Эгоистка. Прости, Аша. Если бы я знала, чем тебе помочь».

Вечером Аша ложился спать в своей маленькой пещерке, которую нашел случайно, блуждая по острову. Он лежал на большом пляжном полотенце, своды пещеры обнимали его с трёх сторон, а четвертая «стена» была обзорной, с видом на 2 океана: небесный и земной. Он ворочался с боку на бок и не мог уснуть. С неба на него смотрела Луна, и он смотрел то на Луну, то на маленький пластиковый контейнер, усыпанный цветами. «Голи, а почему ты мне не снишься? А? Совсем меня бросила... бессовестная.

Я стал похож на бродячую собаку: целыми днями шатаюсь по этому острову, как будто что-то ищу. Я даже был вон на той скале. Но я не скажу тебе зачем. Ты будешь меня ругать... Я не помню, ел я что-нибудь сегодня? Ел! Меня покормили. Та добрая женщина, что сидела рядом с тобой. Помнишь?

Мне очень тяжело. Я мир потерял. У меня планета из-под ног ушла. Как я теперь понимаю смысл этих слов.

Голи, у меня в груди что-то вот-вот взорвется. Мне некому высказать себя! Никто меня ни о чем не спрашивает, и я ни от кого не получу ответа: Кто я теперь? Что я?.. Всё теперь сам. Но разговаривать с самим собой... на что это похоже, Голи? Голи, Голи... где ты, Голи?.. Ты простить меня успела?»

Утром он написал следующее:

Он писал, на чудо уповая,

Каждую строку в письме любя:

«Почему ушла ты, дорогая?

Почему оставила меня?

Блеск в глазах, улыбки ли встречая,

Начинаю задыхаться я.  
Где ты потерялась, дорогая?  
Почему оставила меня?

Знаю, всё, что между нами было  
Где-то похоронено давно,  
Я, как птица, что свой путь забыла,  
И летит в закрытое окно.

В каждом человеке сердце бьётся,  
Поищи его и у себя.  
Знаю, это трудно нам дается –  
Жить, не ненавидя, а любя.

Рассмеялась нам в лицо невинность,  
Из чертогов наших уходя.  
Преданность в изгнание превратилась,  
Когда ты оставила меня.

Я письмо читаю вновь и вновь.  
Подпись ставлю: Вечная Любовь».

## **ГЛАВА 6**

### **РЕЦЕПТ**

Наконец-то погода успокоилась. Солнце светило ослепительно, океан блестел, от раскаленного песка поднималось знойное марево. В этот самый час Саша и увидела мираж. Она сидела на надувном кресле уставшая после разборки последних чемоданов и сумок, которые она натаскала со всего берега. Усталость, полуприкрытые глаза, жара и раскаленные трепещущие воздушные массы дарили ей видение: между небом и землёй плыл Аша. Саша печально улыбалась, потому что знала, что мираж скоро растает, раствориться. Но время шло, а он и не думал растворяться, а упорно приближался к месту Сашиного обитания. Она села на край кресла, широко открыла глаза. Уверенным шагом к ней шел Аша, держа что-то в руке. «Вот это да!»

Он подошел. Она поднялась.

– Хэллоу.

– Хэллоу.

– Это Вам, – он протянул к ней руку, на которой лежал широкий конверт из темно-зеленых листьев, а в нем – три большие жареные рыбины. А как они пахли!

– Это всё мне? Да тут на три дня хватит! Спасибо. А можно я прямо сейчас попробую?

– Когда хотите.

Саша удобно уселась в кресле. Он встал напротив неё.

– Как Вас зовут?

– Александра.

– О, Алекс. А я – Аша.

– Как Вы думаете, нас ищут? Просто уже столько дней... Я всё время смотрю на океан и всё время смотрю на небо. Но ничего...

– Конечно, нас ищут. Даже не сомневайтесь. Вопрос только – когда найдут. Откуда Вы?

– Из России.

– А я из Индии, – и это стало для Саши кодовым словом. Её любовь к Индии хлынула потоком. Её понесло. Коверкая английскую грамматику, мешая индийские слова с английскими, она говорила, говорила, ела, ела, смеялась сама над собой. Над тем, как она учила хинди, над тем, как смотрела индийские сериалы до 4 утра, как украшала себя бусами и кольцами, бесконечно слушала музыку и до такой степени впитала её в себя, что казалось, её тело уже само произвольно транслирует мантры, над тем, как писала стихи, и как на работе сказали, что у неё жених индус. Рассказала о том, как купила в Индонезии газету, как ей повезло, что она продавалась запаенная в целлофан, и теперь она пишет на ней обо всем, что с ней происходит, и у неё получаются «последние новости».

Он внимательно слушал, смотрел на неё, и ему представлялся ребенок, который ест мороженое, и которое уже течет у него по рукам. «Странная. Глупая? Взяла и вся распахнулась. Открытая душа. Детская. А дети... глупые они, когда рассказывают всё, что у них на сердце?»

– Я всё съела. Ой, как вкусно! Какой-то особенный рецепт?

– Рецепт простой – лови и жарь.

Потом заговорил он. Она даже не поняла, на каком языке. Все слова сливались воедино, звучали, не начинаясь и не заканчиваясь. И во всей этой восточной музыке Саше слышалось «рахат лукум, рахат лукум». Она хотела попросить его говорить помедленнее, но передумала и стала вслушиваться в интонацию голоса, в особенности произношения. «Спокойно. Надо просто привыкнуть». Попутно она начала разглядывать его внешность, милые её сердцу черты: взгляд пробежал по усам, по заросшим щетиной щекам, тонкому, красивому носу, небольшим, но выразительным глазам. Длинные черные густые волосы были собраны в пучок на макушке. Саша увидела шрам на лбу и улыбнулась ему как старому знакомому: «Я видела тебя по телевизору».

– Вы меня понимаете? – спросил Аша медленно, членораздельно и раздраженно. Саша пожалала плечами.

«Странно... только что сама болтала без умолку, а теперь плечами пожимает».

«Сказать самому легче, чем понять другого, мой милый».

– Хорошо, – вздохнул он и почесал черную бороду. – Я буду говорить медленно. Вы знаете, что это, – он очертил воздух вокруг головы, – остров? Кроме нас здесь никого нет. Мы здесь одни, – он вытянул вверх указательные пальцы, пальцем правой руки показал на себя, левой – на Сашу.

– Я понимаю: мы... одни.

– Когда нас спасут – не известно. Но я хочу вам кое-то показать. Пойдемте.

И Аша зашагал решительным шагом. Он весь излучал уверенность и надежность. И это придало ей сил. Саша была готова идти за ним как угодно далеко и как угодно долго. Но только не так быстро. После многих дней скудного рациона от такой активной ходьбы у неё закружилась голова. Она начала двигаться мелкими перебежками, но всё больше и больше отставала. Ноги то боролись с сыпучим песком, то с небольшим каменистым подъемом. Потом началась высокая трава, и в ней она совершенно запуталась. Аша почувствовал, что она отстала, остановился и обернулся. Сквозь высокую траву пробиралась изможденная фигура. Сквозь высокую траву на него надвигались глаза, большие, глубокие и уставшие. Лицо обветрилось, загорело, и от этого белки глаз казались еще более белыми, даже голубыми. Ветер так растрепал волосы, что они стояли торчком. Но это совсем не портило её, а придавало естественности, живости. «Одуванчик какой», – усмехнулся Аша.

– Устали? Мы уже почти пришли. Надо подняться вот туда.

Он взял её за руку, и случилось неизбежное – от такого счастья у Саши подкосились ноги. Но крылья, которые широко распахнулись за её спиной в тот же миг, не дали ей упасть, подняли над землей и понесли на вершину холма.

Явь стала сном. Все препятствия стали по плечу. Подул свежий ветер. Нет, они не просто поднимались на холм, они снимались в кино. Где-то в кустах была камера, а голос режиссера подсказывал что-то по ходу действия. «Я чокнутая. Меня не отрезвляют ни голод, ни страх остаться здесь на всю жизнь или умереть в одночасье от укуса какого-нибудь тарангула. Я хочу так идти и идти. И чтобы он держал меня за руку».

На вершине холма ветер был сильнее. Он звучал в ушах, развевал волосы и трепал одежду.

– Посмотрите, отсюда остров виден почти полностью.

Вокруг расстилась Божественная красота. Нерукотворный лик природы. . . . . «Если у Бога есть место для отдыха, то это здесь!»

– Араньяни . . . – выдохнула Саша.

С высоты холма остров не выглядел большим, но компактным, аккуратным. Будто очень старательная хозяйка прибралась на нем, ожидая кого-то в гости. К северу и западу он был лесистый, темно-зеленый, обрамленный белейшей полоской песчаного берега. Оттуда веяло прохладой, свежестью, раздавались голоса неведомых зверюшек. К востоку и югу остров был скалистый и песчаный. С этой стороны дул недружелюбный ветер, поднимая над островом пыль и перенося по берегу с места на место бесполезные лохмотья сухой морской капусты, как будто не зная, куда их деть, куда припрятать. Впереди, на севере, из острова торчала лысая скала. Она уходила в океан и была похожа на клык.

– Я исходил этот остров вдоль и поперек. Он примерно 10 на 5 километров. От голода и жажды здесь не умрешь. Там в лесу есть ручей. Это просто маленькое чудо.

– А на той скале Вы были? – Саша показала на клык.

– Был.

– Как Вы смогли туда забраться?

– Сам удивляюсь.

– Что там хорошего?

– Ничего там нет хорошего. Там очень грустно. Так грустно, что хочется. . .

Аша почесал свои щетинистые щеки.

– Посмотрите вон туда, – сказал он, указывая пальцем в направлении океана. Его глаза загорелись недобрым огнем. – Там ещё есть остров. Возможно, что на нём могут быть люди, которые спаслись так же, как и мы. Можно поплыть и посмотреть.

– Как Вы собираетесь это сделать? У Вас есть лодка?

– Нет, лодки нет. Есть плот, – он изобразил жестами брёвна, связанные веревкой. – Лучше было бы поплыть во время отлива.

«Я не понимаю, что он имеет в виду: он просто предупреждает, что уплывает или зовет меня с собой? Но как я туда поплыву? Я боюсь».

– Нет! Я не умею плавать. . .

«Как же ты спаслась, бедолага? Воистину: кому сгореть, тот не утонет».

– Я сама удивляюсь, как я спаслась. А учиться плавать уже, наверное, поздно?

«О, да может, ты надеешься, что я буду учить тебя плавать, моя красавица?»

– Да и я сомневаюсь, что Вам захочется меня учить.

«Аша, малыш, думай тише».

– Я очень боюсь воды. С одной стороны, боюсь, когда дна не чувствую; а с другой стороны люблю – она очень расслабляет.

– Тогда мне придется поплыть одному. Когда я вернусь, я всё расскажу. В деталях. «А потону, и черт со мной».

Саша пригляделась к этому острову, который едва угадывался в дымке, и подумала, что зрение иногда обманывает, что он может оказаться ещё дальше, чем кажется, и путешествие

станет смертельно опасным и бессмысленным. Но какое она имеет право приказывать или даже просить его. Он её не слушает. Это было в его голосе, раздраженно-напряженным.

– Не плавайте, пожалуйста. Пусть они живут своей жизнью. Я буду молиться за них два раза в день. Только, пожалуйста, не плавайте.

– Вы так за меня боитесь? Не бойтесь, у меня в школе была медаль за плавание.

Саша опустила глаза.

С холма спускались молча: она с растяжением (даже не заметила, когда потянула бедро), а он с букетом цветов (когда он их набрал и для кого, она тоже не поняла).

Она шла взволнованная и напуганная его безумным планом путешествия, а он – разочарованный несбывшимися ожиданиями. Он думал, что встретит в ней совсем другое, что-то более понятное для себя. Он ждал от неё поддержки как оправдания его дерзкого намерения. Он надеялся уйти с холма окрыленным. «Не понимаю, – бесился Аша, – это её естественное состояние или наигранное? Сколько ей лет, что она так широко на всё открывает глаза, – он искоса поглядел на Сашу, – Так исхудала, что возраст не угадывается. Чем она вообще питается?» – спросил он у себя, но не у Саши.

Сашу радовало только одно – ощущение, что она себя ни чем не выдала. «Я вела себя адекватно, уравновешенно и спокойно. Мои ответы и вопросы были логичны. Я доходчиво объясняла свои мысли. Мои реакции были умеренны, пристойны и... привлекательны... Садись, пять».

Они подошли к навесу.

– Намасте.

– Намасте.

Он пошел, она села в кресло.

## **ГЛАВА 7**

### **ЕСЛИ**

На следующее утро, лежа на боку под навесом, Саша еле дотянулась до газеты и карандаша. «Напишу под этой фотографией, – подумала она, – здесь у людей грустные лица. Как раз то, что надо:

«Я лежу на боку, как старая разбитая лодка. Вчера вечером... вчера вечером случилось то, что случается со всеми дураками, которые 3 дня ничего не едят, а потом объедаются, а потом ОБЖИРАЮТСЯ жирной рыбой. Ведь всё знаю про свою поджелудочную, так какого лешего! Ночью даже, кажется, поднялась температура. Но сейчас получше.

Ночью мне было очень плохо. Когда я выпила последнюю кружку воды, мне стало страшно от моей беспомощности. А что если он уплывет и не вернется!? Я одна здесь просто погибну. Мои трофеи из красного чемодана закончились 3 дня назад. Что я буду есть?!.. я не знаю. Начну ловить рыбу или сосать гальку? Пусть он не проявляет ко мне никакого интереса, внимания или заботы (да кто я ему в конце концов), но я знаю, что он здесь, где-то здесь. Ходит грустный и строгий. Думает о чем-то своем. Я молилась каждой звездочке, потому что не знала, на какой сидит Боженька. Я приносила Ему своё безмолвное поклонение, мою молитву, которую будет знать только Он. Я просила еще раз увидеть его, и чтобы он держал меня за руку... Но он решил. Он уплывет. И как мне его удержать?!». К ней стали приходиться такие строчки:

Прости, мой друг, но нам пора прощаться.

Ты дал мне очень многое, поверь.

Успел поймать ты то, что стало распадаться

И в яркий мир ты распахнул мне дверь.

С моей душой ты, как с воздушным змеем

Под ясным, чистым небом пробежал.

И змей летел, упрямитесь не смея,  
Ведь Ты его за ниточку держал.  
Не знаю, устает ли змей от ветра,  
От этой постоянной высоты,  
От ослепительного солнечного света  
И ощущения звенящей пустоты...  
И не хотел ли змей когда-нибудь  
От этого полета отдохнуть?

Прости ты мне, мой Ангел и Спаситель  
Мой грех – мою неопытность души.  
Я прощаюсь просто и открыто...  
И крикну: «Крепче ниточку держи!»

К навесу уверенным шагом подходил Аша. Он нес Саше воду и плохую новость. Увидев её лежащей под навесом, он решил, что она спит.

– Алекс! Алекс! – крикнул он ей. Саша в ответ подняла руку. – Я решил поплыть сегодня утром. Сейчас. Мне уже всё равно: прилив, отлив. Вот Вам вода. – Он поставил несколько бутылок возле её ног. Саша лежала к нему спиной, укрывшись полотенцем.

– Океан это не море, – тихо произнесла она, – у него совсем другая энергетика.

– Меньше пафоса, – услышала она в ответ. «А ведь права, – отметил он для себя, – засосет, подлец, не вылезешь. Стоп, ты вчера говорил «черт со мной», а сегодня... чего же ты хочешь? Я хочу только одного – выбраться отсюда любым путем».

– Извините, я разбудил Вас.

Саша осторожно села, убрала с головы полотенце.

– Что с вами?! – воскликнул Аша, – Почему Вы такая белая? Почему у Вас губы синие? Дайте руку! – Саша протянула руку, – Почему руки холодные?

«Что тебе до моих губ и рук? Собрался плыть? Плыви!»

– Мне уже лучше.

– Но что случилось?

– Не имеет значения, – у Саши получилось встать. – Можно я Вас провожу? Пожалуйста.

Он шел впереди, она следовала за ним подобно тени.

«Вот и всё. Сейчас может всё кончиться. Мне нечего ему сказать. Ком в горле. Если начну говорить, или заплачу, или... опять тошнить начинается».

«Только я начинаю с ней говорить – сомнение. Откуда-то берется во мне сомнение. Куда меня несет? Зачем я это делаю? Ночью сомнений не было: потому что там могут быть люди, информация. Господи! О чем я? Какая информация?! Очередная попытка суицида. Так нельзя... Я не понимаю, где иллюзия, где реальность. Я запутался... Сделаем так: если она до прихода к плоту скажет хоть одно слово, я уплыву. А если, нет... а она скажет. Считается всё, даже ой-ой-ой».

Саша очень аккуратно шла по скользким камням. Вдруг ступня её поехала по гладкой поверхности камня, и она чуть не потеряла равновесие. Но устояла и с облегчением выдохнула. Аша резко обернулся. «Она просто выдохнула. Это не считается. Ну что ей не дышать что ли?»

Они шли дальше. Обогнули скалистый пригорок, за которым Саша узнала своего кумира, и стали приближаться к плоту.

Плот танцевал на волнах, привязанный веревкой к берегу и, как игривый конь, поджидал своего хозяина. «Если я зайду в воду по колено, и она что-нибудь скажет, я уплыву». Он зашел в воду, дошел до плота. «Если я сяду на плот, и она что-нибудь скажет, я уплыву». Он сел на плот.

– Почему вы молчите?! Почему вы ничего не говорите?!

Саша пустила слезу и помахала на прощанье рукой.

«Актриса. Как с жизнью прощается».

Вдруг одна резвая волна долетела до Ашиного лица и вlepила ему пощечину, а Саша опустила руку на то место, где ныл желудок. От этой пощечины и знакомого жеста у Аши перехватило дыхание. «Голи, это ты?!» – едва не вырвалось у него.

Плот качало на волнах. Саша стояла на берегу и ждала, когда он отплывет. Со стороны казалось, что если ветер дунет сильнее, то он сотрет её изображение, она растворится в атмосфере в этих своих салатových брючках и белой кофточке.

«Я – глобальный идиот. С чем же ещё, как ни с жизнью, она прощается. Что с ней будет, если меня...»

Она продолжала держать руку так же, как недавно держала его Голи.

«Голи, прости меня, прости. Тебя не сберег. Неужели ещё одна смерть будет на моей совести? Я не забыл свои обещания. Мы выберемся отсюда только вместе».

– Идите сюда!

Саша плакала и качала головой.

– Я прошу вас, не бойтесь.

– Что случилось? «Я плохо соображаю сейчас». Я не могу понять!

– Просто идите сюда!

Саша не понимала, чего он от неё хочет. Она сделала один шаг, потом ещё, потом зашагала как на эшафот. «Я не умею плавать. Я утону на его глазах. Это красиво». Она дошла до плота, и Аша помог ей взобраться на него. Саша вцепилась пальцами и всем телом в палки и веревки и запела маха мрительная мантра, спасающую от смерти.

– Ом, триям бакам яджама гэ...

Она спела её как положено, 3 раза.

– Всё? Вы закончили? Послушайте, я вот что скажу... Мы ещё слишком плохо знаем наш остров, чтобы уплыть к другому. Давайте проплывем вдоль него, познакомимся с ним. Как Вы себя чувствуете?

– Хорошо.

И плот отправился в путешествие.

## ГЛАВА 8

### ПУТЕШЕСТВИЕ

Солнце отражалось в океане, и над водой расстилалось золотое свечение. Утро уже начало терять свою прохладу, ветер становился теплей, небо ярче. Плот плыл вдоль берега. Аша медленно работал самодельным веслом и разговаривал сам с собой: «Аша, малыш, ты меня удивляешь: а это что за идея? Куда ты потащил это полуживое тело? Боишься сорваться без такого балласта? Пей больше жидкости. Обезвоживание – страшная вещь, влияет на мозговую деятельность».

«Как хорошо, когда в голове пусто...»

Почему он не уплыл? Что там в нем сломалось? Кто сломал?...

Есть такие вещи, которые нельзя описать словами. Это то, что я сейчас вижу: эти солнечные искры на воде как описать? Какие подобрать слова для запаха океана или ощущения солнечного луча на коже? Только музыка может передать все это. Ну, или стихи...» Саша глубоко вдыхала, наполняя себя ароматами утра. Ей казалось, что всё внутри у нее распрямляется, расправляется. Ушли тревога и болезнь.

– Спасибо тебе, остров! Ты подарил нам жизнь!

– Вам подарил, а у меня отнял. Две.

– Две?! – у Саши возникло ужасное предположение.

– Да. Голи и мою. А Вы что подумали?

– Я подумала, что Ваша жена была беременна. («Что-то я сегодня расхрабрилась»)

– Нет, она не была беременна. И вообще, у нас не было детей. («Что-то я разоткровенничалась»)

– Остров отнял Вашу жизнь? И что, Вы сейчас не живете?

– Не живу.

Плот двигался дальше. Они подплывали к большому гроту, который напоминал каменного слона, двумя задними лапами стоявшего в воде, а передними, лежавшего на острове. Плот беззвучно заплыл внутрь и оказался под большим впалым слоновьим брюхом. Где-то капнула капля, и звук их встречи с водой оживил весь грот. Он зазвучал.

– Какая акустика... – Саша стала играть звуками: «а, о, у, и, а». Потом вдохнула и запела: «Баю-баюшки, сынок Иванушка. Чадо милое, соколеночек...»

– Что это за чудо? Русская мантра?

– Это Зарайская колыбельная.

– Заворачивает. А я вот не пою. Не умею. У меня голос... ужасный. Он годится только... сам не знаю, для чего он годится. Раньше я рисовал. Но это было давно. Иногда люди слушают, как я пою и говорят: О! Превосходно! Но я им не верю.

– А Вы пойте сердцем. Как поют мои дети в школе. Они все поют сердцем.

– Вы учитель музыки?

– Вы знаете, у нас город очень маленький, учителей не хватает, так что я веду несколько предметов: русский язык, литературу, английский, музыку и ещё... я не знаю, как это сказать по-английски... маленький клуб?.. по-русски это «кружок». Я учу девочек вязать.

Тут она пожалела, что сказала о нехватке учителей: не уронила ли она престиж России?

– Мой отец тоже учитель. И у него есть тоже «маленький клуб». После уроков он занимается с ребятами. Они говорят о поэзии, пишут стихи. Он сам тоже пишет стихи... неплохие.

– А вы кто по профессии? Спортсмен?

– Нет. Я актер.

–А-а... – многозначительно протянула Саша. – А я всегда хотела быть журналистом.

Плот продолжал движение.

Начались отвесные стены берегов южной части острова. Под плотом была уже другая глубина. Вода была голубая, прозрачная, в ней постоянно мелькали рыбешки. Саша заметила одну, пучеглазую. Она словно затевала игру: то пряталась под плотом, то выплывала из-под него. Саша стала разглядывать её серебристую чешую, потом посмотрела в глаза и спросила по-русски:

– Ты съедобная?

В ответ рыба тоже посмотрела ей в глаза и отрицательно покачала головой:

– Не-а.

Саша отпрянула от воды.

– Ой! Со мной сейчас рыба разговаривала.

– Это понятно. Галлюцинации – симптом тяжелого обезвоживания. Вам надо больше пить, и галлюцинации пройдут. Кстати, если хотите пить или есть, возьмите в сумке, вон там лежит, видите?... А что вы у неё спросили?

– Съедобная она или нет.

– И что она ответила?

– Что нет.

– Вот эта? Большеглазая? Она врет. Нашли вы у кого спрашивать. Вы её не узнали? Её сестер вы вчера так ловко съели. Это семейство меня здесь здорово выручает. Хотя всё равно теряю мышечную массу. А что Вы здесь едите? Что насчет обеда?

– Обед? – у Саши напряглись плечи.

– Я спросил насчет Вашего обеда. Что у Вас будет на обед?

– А-а-а...

Саша практически ничего не ела уже третий день, если не считать той злополучной рыбы, отторгнутой прошлой ночью её организмом. Почему-то не хотелось признаваться, что ей сегодня нечего есть. Она молчала.

«Молчит... Она не понимает и половины того, что я говорю».

Уже не ожидая ответа, Аша взглянул на неё и увидел, как сквозь белую кофточку проступают ребра на её спине. Его это впечатлило. «А есть-то ей, наверное, и нечего. А почему она не говорит? Чего тут стесняться? И гордость здесь ни к месту. Я же предлагал ей взять из сумки еду. Почему не взяла? Когда шел к плоту, почему не останавливала? Как-то всё странно. Зачем так усложнять себе жизнь? Надо что-то придумать... Эти ребра ... похожи на сложенные крылья Ангела. Смотри, Голи, у меня на плоту сидит Ангел и болтает ногами в воде. Я знаю, моя дорогая, это ты меня сегодня окликнула, это ты со мной так разговариваешь. И в этом Ангеле тоже ты». Он ощутил на своем лице улыбку и тут же избавился от неё.

– Я хочу пригласить Вас в ресторан. Я не шучу. Я уверен, Вы никогда не пробовали личи.

– В ресторан? А мне и надеть-то нечего.

– Ну, это вечная женская проблема. Главное, что мы с вами оба одеты в одном стиле, дресс код пройдем. Я угощаю.

– Хорошо. К которому часу мне быть готовой?

– Завтра вечером. Я за Вами заеду.

Плот плыл и плыл, то быстрее, то медленнее: то ветер начинал подгонять его, а то вдруг Аша сильнее налегал на весло. Они плыли ещё долго, и каждый молчал о своем. Саше было очень интересно разглядывать бурную растительность острова, подводную жизнь океана. Находясь на острове уже три недели, она ещё не осознала до конца всю возможную катастрофичность их положения. Она ждала спасения, верила в него, и эта вера не давала ей окончательно рухнуть в отчаяние. А в этот миг мир для неё был особенно ярким и красивым.

У Аши в груди и голове периодически начинался шторм, завывала буря. И тогда он ожесточеннее вонзал весло в тело океана. Потом он успокаивался. Потом жестокие ветры опять возвращались и рвали сердце. А океан нес их плот и нес, и плоту ничего не оставалось делать, как послушно волнам, ветру и веслу плыть.

«А что если... скажем так... никто не придет? Боюсь ли я этого? Боюсь. К 38 годам оказаться на помойке мира... чертовски обидно. Смогу ли я смириться с такой участью? Не знаю... – Он опять посмотрел на Сашу, – Господи, дай остаться человеком. Не дай стать скотиной».

– Аша, посмотрите, какая у нас красивая тюрьма.

– Чудесные декорации. Для какого-нибудь экшен было бы очень выигрышно. Голи бы оценила. Ты знаешь, кто мы теперь?

– Узники? Пленники?

– Персонажи. А этот остров – сценарист, режиссер и главный герой. И ты мне поверь, он еще сыграет свою роль в этой драме. И этот остров, и этот ветер, и солнце, и океан, и мы с тобой – теперь герои одного романа. Детективного. Он сам прячется и нас прячет. Мы-то тебе зачем?! – крикнул Аша во весь голос.

Саша лежала на плоту, плот слегка покачивался, она смотрела в небо. Так спокойно, легко и хорошо ей, наверное, не было никогда.

– Ты пока пофантазируй, а я поплаваю.

Он аккуратно и с удовольствием сошел с плота в воду и поплыл. От яркого солнца и блеска воды у Саши начали болеть глаза. И она их закрыла. Поплыли радужные круги. Плот

укачивал, плеск волн убаюкивал, и через несколько минут она поняла, что сейчас заснет. Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. Саша затаила дыхание, ей страшно было открыть глаза. Воображение нарисовало какого-то океанского монстра, всплывшего с глубин. Она слышала его дыхание и ощущала присутствие. «Надо открыть глаза, а то сожрет, и не буду знать, кто». Преодолев свой страх, она приоткрыла один глаз и, не поворачивая головы, умудрилась посмотреть в сторону. Из воды торчала голова Аши: с бровей, ресниц и усов капала вода. Он был похож на тюленя. Саша прыснула смехом, и он вдогонку ей улыбнулся белозубой улыбкой и хрипло захихикал. Саша закрыла лицо руками и сказала по-русски: «Господи, какая сегодня хорошая погода!»

Их смех полетел к скалистому берегу, там его подхватили птицы и унесли вглубь острова, в лес. А в лесу остатки тумана серебристыми шариками росы стекались по лепесткам в чашку цветка. К цветку подлетела маленькая пестрая птичка, напилась каплей и упорхнула.

Этим вечером в Сашином сердце расцвели незабудки и лотосы. Походка превратилась в танец, а душа мурлыкала сладкие прихотливые индийские мелодии. Но так как душа была русской, ей необходимо было развернуться. И вот на волю вырвалась и полетела над океаном первая песня, потом вторая, и так восемь песен на хинди по несколько повторов каждая. Это были песни из её любимых фильмов. Это были песни только из его фильмов. Саша не знала, что обогнув тот самый скалистый пригорок, и пройдя ещё 100 метров, она смогла бы увидеть, как в своей маленькой пещерке с видом на два океана сидит Аша и недоумевает на этот концерт. Он всё слышал и догадался, с кем имеет дело. «Интересно, из какого она фан клуба?» Он обратился к контейнеру: «Голи, ты слышишь? Во дает, сумасшедшая. Неужели и здесь меня это догнало? И что теперь? Меня ждет фанатская любовная горячка? Ничего не хочу... ничего не хочу. Спокойной ночи, Голи. Я выключаю свет...

... .. ты думаешь, ты одна меня узнала? Я ведь тебя тоже узнал, утопленница». Ночью ему приснились стихи:

Я смотрел в небо,  
Я искал выход,  
Говорил с Богом,  
Но в ответ – тихо.

Я искал тропы,  
Уходил в горы,  
Только той же тропой  
Шло за мной горе.

Плыл я в лодке и греб  
Так, что весла трещали...  
Мою лодку волна  
На причал возвращала.

Западня. Не сбежать.  
Обреченность кольца.  
Ни с начала начать,  
Ни дойти до конца.

## **ГЛАВА 9 ВАРЕЖКИ**

Где-то между явью и сном в Сашиных ушах раздался знакомый громкий и резкий голос: «Варежки все надели?!» «Продленка идет гулять», – поняла Саша. Вдруг её охватила паника: находясь между сном и реальностью, она не могла понять кто она? где она? она боялась, открыв глаза, не увидит сухую пальмовую ветку, свисающую с крыши её домика, и белые океанские волны. Мысли запрыгали в полупроснувшемся мозгу: «Если это продленка, то почему я лежу?» Она трусливо вытянула руку и, почувствовав под пальцами песок, успокоилась. «Нет, сегодня я не могу покинуть остров. Я на вечер приглашена... в ресторан».

«Вчера у нас получился диалог. На каком языке мы говорили? О, этот язык надо занести в книгу рекордов Гиннеса: грамматика английская, а лексика – откуда угодно, хоть из китайского, всё в кучу, всё, что в данный момент выразительно. Как это было здорово! Я консультировалась у него по поводу хинди. А еще... он научил меня одному плохому индийскому слову, а я его одному плохому русскому. И вот мы, два ненормальных, шли по лесу и склоняли существительные: пальма – дура, банан – дурак, муравьи – дураки, попугай – мурк. Дружить с ним просто чудесно. У него такой странный смех... страдальческий. Я ему даже сказала: «Вы так смеетесь, как будто Вам прищемили палец». Мы поймали рыбу. А в лесу он набрал каких-то... я не знаю, как назвать эти плоды: сами розовые, с зелеными усами, а внутри фиолетовые с мелкими косточками. Понятия не имею, что это такое. Что-то неземное.

Господи, прошу тебя, научи меня слову, дай мне такое слово, которое все объясняет, которое объединяет. Дай мне слово, Боже ».

Как встретить гостя, она придумала ещё вчера. И сегодня, бросив в рот остатки марсианских фруктов, побежала на берег собирать ракушки для ожерелья.

В состоянии головокружительного счастья она шлепала по кромке воды босыми ногами. Она была готова рассмеяться или расплакаться в любое мгновение. Саша переживала что-то очень высокое: это был её свет, её полёт, её восторг. «Интересно, что он сейчас делает?» Она брала в руки мокрые ракушки, с них капала вода, перламутр переливался на солнце, и этот блеск отзывался отголосками далекого, забытого счастья. Саша разглядывала ракушки в своих ладонях и вдруг увидела мокрые ладошки своей дочери. В них были такие же сверкающие ракушки, которые она собирала когда-то на море и приносила смотреть маме. Саша остановилась, ракушки высыпались из рук. «Анечка... мамочка... да как же я могу... Кто мне объяснит, как я позволила себе так забыть? Как я позволяю себе эту дикую радость? Почему? Что со мной?! Нет, нет, я вспоминаю о вас, я думаю о вас. Всегда, когда я вижу что-то интересное или ем что-то вкусное, я вспоминаю об Анечке и хочу поделиться с ней... Нет, не то... мне нет оправдания». Луч света начал меркнуть, небо надвинулось на Сашу, а время и события закружились вокруг неё вихрем. «Сколько я здесь? Две недели? Три? Месяц? Всё проносится, как во сне. Они думают, что я погибла? Я жива!! Как сообщить?! Никак... Сколько времени прошло? А если нас не спасут? А что будет, если нас совсем не спасут... Он прав: мы с ним – два покойника».

– Мамочка! Выпустите меня отсюда!!!

Эти мысли обожгли Сашин мозг. На ватных ногах она зашла в океан и стала умываться соленой океанской водой. Она не знала, куда себя деть. Пустилась бежать по воде, по песку, по камням. Бежала так, словно хочет выбежать из своего тела. Когда уперлась в скалу, и бежать стало некуда, встала на четвереньки. Легче не становилось. Волны хлестали по лицу, а мамин голос в ушах озвучивал её и мамины мысли:

– Что ты наделала, Саша! Что ты наделала? За чем ты погналась? Почему ты стала учить не французский язык, а хинди?

– Потому что, мама, всё остальное было для меня холодно. А здесь я почувствовала тепло.

– От чего? От кого? От киноактера? Ты в своем уме? Куда тебя понесло?

– «Куда понесло», а денег дала.

– Да, дала, потому что хотела, чтобы ты была счастлива.

– А я счастлива, мама! Ты представляешь, я – счастлива! Вот он сейчас придет и будет отнимать надежду и на себя, и на вас, а я буду счастлива!

– Да, Саша, тебя послушать – ума набраться. Учитель языка! Как начнешь говорить!.. А что за этими словами, моя дорогая? Ты не подумала о нас с Анечкой. Кому мы теперь нужны? Я – старуха. Что будет с ней? Кто её выходит?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.